

«Наука все ближе подходит к созданию виртуальных образов, которые человек способен воспринимать через свои ощущения. Но прежде чем создать, не следует ли ответить на вопрос: к чему это может привести?». Автор.

Компьютер послушно выполнил полученную команду на отключение. Экран почти погас, выставив привычную картинку прозрачного неба с плывущими облаками. Вадим устало откинулся на подголовник кресла, потер пальцами переносицу и виски. Огляделся. Офис был пуст, сотрудники покинули его, и он остался один, среди приятной, расслабляющей сознание тишины.

Вадим снова оперся спиной на кресло. Тело жаждало отдыха, но мысли еще не перестроились и продолжали прерванный рабочий процесс. Лаборатория, которой руководил Вадим, уже три месяца билась над проблемой синтеза белка, пытаясь проникнуть в тайну создания новой формы биомассы, на основе которой можно было формировать множество биологических организмов, способных прокормить сотни миллионов человек. Сравнительно недавно было научно обосновано наличие интеллекта у многих видов живого мира, населявших землю. У тех, которые привычно именовались «соседями по планете, или меньшими братьями». Конечно, на гораздо низшем уровне, чем у людей, но все же! Это была сенсация, повлекшая за собою цепь малоприятных событий: она разрушала древние стереотипы понимания природы и прервала сложившуюся систему питания человека. Очень многие отказались поедать плоть мыслящих существ. И теперь, многочисленная армия ученых работала в поиске заменителей бифштексов и котлет. Над этим работал и отдел, возглавляемый Вадимом. Порой, ему казалось, что успех уже близок, но на последних этапах, что то упорно шло не так, и работа срывалась. И вот это, пока не объяснимое «что-то», почти беспрестанно занимало мысли Вадима...

«Который час», подумал он, и перевел взгляд на высокое, от пола до потолка, окно. Но там, как и утром, на песчаный пляж ласково накатывались мягкие волны бирюзового залива. Вадим поднялся: выполняя его мысленное указание, закрывавший проем экран сместился в сторону, открыв прозрачный пластик окна. Мужчина подошел к нему и толкнул незаметные створки: тихо щелкнули магнитные задвижки, окно распахнулось наружу.

Такого, уже почти нигде не было, но Вадим сознательно изменил проект

окон. Для него стало большим удовольствием подойти к нему, и вот так, просто рукой, а не кнопкой пульта или мозговым импульсом, толкнуть створки, открывая перед собой необозримую панораму земной жизни. Простой и обычной, но ставшей для него далекой, забытой, и почти не привлекательной.

Вдыхая вечернюю прохладу, Вадим с высоты этажа следил за уходящим солнцем: темно багровое полушарие уже почти наполовину разрезалось причудливым рельефом невысоких гор. Еще несколько минут, и оно скроется совсем, ненадолго задержавшись малиновыми отсветами в длинных полосах облаков.

С гор, в широкую долину медленно плыла ночь. Но Вадим пока еще стоял над ней, находясь в теплых сумерках и последних бликах покидающего землю светила.

Там, внизу и рядом, были неравномерно и хаотично разбросаны многочисленные силуэты трехсот метровых, похожих на квадратные столбы, зданий. Они стояли, словно величавые колонны, облицованные поглощающими энергию солнца панелями: темные, немые громады, внутри которых кипела освещенная ярким светом, невидимая снаружи, жизнь.

Трудно было поверить, что на этой, сравнительно небольшой площади, было отстроено около сотни высотных комплексов, каждый из которых вмещал в себя до десяти тысяч человек: мужчин и женщин, молодых и пожилых, ставших добровольными отшельниками в долине науки и высоких технологий.

«Заложники науки! — невесело усмехнулся своим мыслям Вадим, и добавил: — Если бы только науки! Ладно, хватит расслабляться, пора топать домой. Мои, наверняка заждались меня!»

Вышел из лаборатории. Лифт бесшумно и быстро переместил его на десяток этажей вверх. Вадим шел по длинному коридору. В матово мерцающем свете проходили редкие люди, некоторые приветливо кивали ему, и исчезали за многочисленными дверями.

Вадим вошел в свою комнату: маленькая, с высоким потолком, она вмещала в себя навесные шкафы для вещей и четыре кровати. Две из них были заняты. Вадим разделся, убрал вещи и прилег на привычное место. В полутора метрах от него заворочался, зачмокал губами укрытый с головой мужчина. «Интересно, что он делает?», подумал Вадим, и вздохнул: у них не было принято расспрашивать друг друга о той, второй жизни, в которую они уходят после работы. В ней у каждого был свой мир, и зачем о нем знать другим? Мало ли какие тайны или пристрастия сокрыты за завесой сна спящего человека.

Вадим достал из шкафчика темные, почти в треть лица, очки. Плотная маска мягко легла на его лицо, включились датчики, передающие импульсы мозга в нервную систему. Убаюкивающая темнота ласково обволокла засыпающее сознание. Вадим закинул руку за голову и быстро уснул.

...После первого звонка за дверью дома слышалось частое шлепанье босых ног. Дверь распахнулась и на шее Вадима повисла худенькая, голенастая девчушка лет шести, семи.

— Папка пришел! — восторженно визжала белобрысая повеса, крепко сцепив тонкие ручонки на шее отца: — Крути меня! Сильнее!

Вадим слегка откинулся назад и закружил по просторной прихожей. Девочка заверещала еще громче, кружась над полом почти горизонтально. Длинные ножки зацепились за висевший на вешалке зонт. Девочка ойкнула, и опасливо покосилась на дверь кухни. Там сердито шкворчала сковорода, и пахло чем то безумно вкусным.

— Ну, хватит, Юлька! Слазь! — остановился Вадим. Расцепил детские ручонки, и ласковым шлепком чуть ниже пояса, направил девочку во вторую, после кухни, дверь.

— Чмоки, чмоки! — девчонка сдула с ладошки воображаемые поцелуи, крутнулась на одной ножке и убежала. В дверях стояла улыбающаяся женщина.

Вадим подошел, привычно прикоснулся губами к ямочкам на ее румяных щеках.

— Что так поздно? Юлька заждалась, задергала меня! "Где-где! Когда-когда"...Ты бы, Вадик, звонил, если задерживаешься! — женщина мягко отстранилась и вернулась на кухню.

— Прости, Лена! Работы невпроворот! — крикнул ей в след Вадим, привычно выискивая ногой поношенные тапки.

Вошел в просторный зал. Сел на диван, щелкнул пультом передающего устройства. На одном из каналов наткнулся на трансляцию новостей. Ухоженный диктор бодро докладывал о таянии ледников на далеких арктических просторах и грядущих изменениях климата планеты. В качестве доказательства показали худого, плоского белого медведя: ошалевший от непривычного тепла зверь лениво плелся по галечной косе моря, которая, по словам репортера, еще лет пять назад была скрыта трехметровой толщиной векового льда. Над медведем кружили злые чайки, зверь щерился черной пастью, огрызался...

— Пап! Смотри, что я нарисовала! — услышал Вадим и повернулся к дочери. Та, протягивала ему большой лист плотной бумаги.

— Желтый! — машинально сказал Вадим, беря в руки рисунок.

— Где, желтый! Тут нет желтого! Только зеленый и синий! — Юлька удивленно захлопала длинными ресничками.

— Медведь! — Вадим кивнул на экран: — Называют белым, а он грязно желтый! Ну давай, посмотрим твои художества...

На листе было изображено озеро, на берегу которого стоял их домик. Когда то, Вадим долго и тщательно подбирал место для своего дома, и остановился именно на том, что так долго искал: синее озеро, широкий, покрытый мелкой галькой плес. Бронзовые стволы темно зеленых сосен, и запах... Одурманивающий запах свежей сосновой смолы, стекающей каплями прозрачного янтаря с крепких стволов под горячими лучами солнца.

— Молодец! — похвалил он дочку. Рисунок был очень хорош, даже не верилось, что это творение рук шестилетней непоседы: — Очень образно! Как тебе это удастся?

— Пустяки! — отмахнулась Юлька: — Беру и рисую: вот и все!

— Как дела в школе? — поинтересовался Вадим, откладывая рисунок в сторонку. Дочка тут же взобралась ему на колени. Услышав вопрос отца, капризно надула губки.

— Никак! — мотнула тонкими хвостиками косичек, и беззаботно замахала ногами.

— Как это, никак? Учиться надо, а не по деревьям лазать! Вон, коленки исцарапала...

— И платьице порвала! — подхватила вошедшая в комнату Елена: — Беда с ней: не девочка, а сорванец! Пришла, все в угол — швырь, и на улицу...в дом веником не загонишь! А со школой у нее проблемы!

— Опять арифметика и информатика? — спросил дочку Вадим.

— Опять! — обреченно вздохнула девочка, и махнула рукой: — Ну их! Все цифры, крючки, значки! Не хочу я их! Они не живые! Я художником буду, вот!

— И что ты будешь рисовать? — усмехнулся Вадим.

— Все! — отрезала Юлька: — Озеро, маму, тебя... Все нарисую!

Я талантливая...

— Ой, ой! Зазнайка! — поддразнил дочку Вадим и прижал к себе худенькое, но удивительно мягкое тельце ребенка. Оба, на секунду замерли, сроднившись, слившись в одно целое.

— Кушать! Ужин готов! — голос жены вывел Вадима из сладкого оцепенения.

...Юлька заснула быстро. Вадим поправил на ней одеяло, прошел в спальню. Лена стояла перед зеркалом и укладывала на ночь волосы. Ей не очень нравилась эта процедура, она не раз намекала на короткую стрижку, но терпела: знала, что мужу очень нравится ее золотистая, под цвет бронзовых сосен, россыпь густых локонов.

Вадим прилег на кровать, любовался плавными движениями ее рук, мягкими изгибами просвечивающего через тонкую рубашу тела.

— Что у тебя нового? — спросил он, хотя мог этого и не делать: он заранее знал ответ на вопросы, разве что с небольшими вариациями в пределах допустимой программы, которую сам же и создавал.

— Как обычно! Работа, Юлька, дом... Что может случиться? — Лена пожала плечами, и вдруг, оживилась: — Ой, ты знаешь, Танька замуж вышла? Представляешь, тоже мне — тихоня!

— За кого? — оторопел от неожиданности Вадим.

— Не знаю, не видела еще! То ли дипломат, то ли журналист... толком не поняла! Знаю, что он долго за Танькой ухлестывал, подарки дарил... И вот, новая семья!

— Ты мне этого не рассказывала! — пробормотал Вадим. В его голове роем замелькали невнятные мысли.

— Наверное забыла! — равнодушно ответила жена.

Лена погасила свет и забралась на постель. Прижалась к Вадиму.

...Через время Лена придремала. Вадиму не спалось. Что то по прежнему, сильно беспокоило его. Он долго пытался сообразить, но не мог найти причину волнения. Знал только одно: сегодня, в его доме все не так как обычно. И всему виною этот новый, непривычный запах... Стоп! Неужели?

— Лен! Лена! — Вадим потряс засыпающую жену за плечо: — Скажи, откуда этот запах? Ты что, поменяла духи?

— Ва-а-дик! — простонала Лена, с трудом разлепляя смежившиеся веки:
— Это мне Таня дала, ей ухажер подарил, а она мне! Думала, тебе понравится! Ты скажи, если не так, то я их уберу... Юльке отдам...

— Нет, нет, Леночка! Все очень хорошо! А где они?

— В тумбочке! — кивнула жена и тут же заснула.

Вадим осторожно поднялся, нашел маленький флакончик и долго смотрел на него. Он впервые увидел такую марку духов. Но как они могли проникнуть в этот дом, в его мир?

Он лег, обнял податливое тело жены. Зарылся в ее волосы, вдыхал запах женского тела со слегка горьковатым привкусом незнакомых духов... Вглядывался в лицо Лены: внутри его саднило, едко ныло томящее душу осознание безысходности от неправильности того, что с ним происходит. Вернее, не только с ним, но и с этой чудесной женщиной, и непоседливой девчушкой, которая спит в соседней комнате. И во всем случившемся виноват только он один...

...Утро прошло как обычно: легкий завтрак, прощание. Вадим всегда уходил первым. Потому что знал: все, что было здесь вчерашним вечером, ночью и этим утром, никуда не уйдет и останется без изменения, от того, что он — вышел из этого мира, который создал сам для себя. Жизнь возле озера замрет, пока он не вернется на его берег в маленький, уютный домик. Всего этого — в реальном мире не существовало, и он сам, входил в него только во время сна...

Скоро он проснется, снимет маску, и все исчезнет! Потеряв связь через ощущения, уйдет из того, что перестанет быть. Жизнь угасает, когда человек перестает воспринимать её через свои органы чувств. Такие правила игры в жизнь: как настоящей, так и виртуальной. Но в большой жизни, в которой существует он сам, в мир заложено бесчисленное множество персонажей и бесконечное многообразие вариантов их действий. С выбытием игрока жизнь не останавливается, она продолжается без него до тех пор, пока окончательно не истратит свои ресурсы и возможности, направленные на выживание последнего существа. Только — в том мире, который он создал для себя, должны действовать другие правила: он сам их определял.

...Вадим проснулся. Комната была пуста, сегодня он спал дольше своих соседей по ночлегу. Прибрался, прошел в кафе, безвкусно позавтракал. Вспомнил вчерашний виртуальный ужин, утренний завтрак, и нахмурился: пожалуй, в первый раз, за прожитые в несуществующем мире годы, он горько пожалел, что все это живет лишь в его воображении, а он, безразлично пьет горячий кофе среди сидевших поблизости людей — в полном одиночестве. «Неужели они тоже, одиноки, так же как и я!» —

подумал о них Вадим, и эта мысль ужаснула его осознанием той пропасти, которая незаметно пролегла между живыми людьми. Миллионы людей живут друг среди друга, и каждый из них в отдельности взятый — может быть безысходно одиноким в реальной жизни. Зачем тогда эта жизнь? Для чего, для кого, и кому она нужна, если в поисках настоящего, им приходится уходить в виртуальный, сотканный из несуществующих иллюзий — мир... Почему так могло случиться, и в чем их ошибка?

...День заполнялся обычной суетой и рутинной работы. Только для Вадима все это потеряло обычную значимость и интерес. Он, как и вчера, подошел к окну, раскрыл створки. Жадно вдыхал прохладный воздух, и словно в первый раз рассматривал уходящие к небу небоскребы. Вспоминал, с чего все началось...

Давно, лет десять назад, молодой и перспективный ученый биолог, переполненный замыслами и идеями, он с огромной энергией вгрызся в работу. Время для него не шло, оно несло в бешеном ритме, просачиваясь сквозь жизнь словно в бездонную яму с сухим песком, не оставляя значимых следов и событий. Но однажды, Вадим понял, что долго не выдержит заданного самому себе темпа, и ему срочно нужно — нечто, способное разнообразить его жизнь, придать ей как самое малое — хотя бы видимость полноценного существования. Но времени на вхождение в реальные отношения с людьми, а тем более с женщинами, у него не было. Так он тогда считал, и теперь понял, что это было первой его ошибкой!

Но тогда, не до конца понимая последствий своего поступка, он по совету опытного товарища решил создать для себя свой виртуальный уголок, где мог бы отдыхать через вполне осязаемое воображение. Технических препятствий к созданию подобного проекта не существовало: современные технологии позволяли делать очень многое, еще и не такое. Так, на берегу его озера появился уютный домик под соснами, который он полюбил и скоро привык к нему. Но со временем Вадим понял, что его тяготит вынужденное одиночество среди этой красоты, и в дом незаметно вошла она, женщина, которую он бережно и тщательно лелеял в своих мечтах. Он создал, выпестовал этот образ и назвал его — Леной. Потом, как и должно быть в реальной жизни, в их игру вошло маленькое чудо, которая стала его дочерью.

Игра захватила Вадима своей простотой и чувственностью. И скоро он понял, что с нетерпением ждет того момента когда придет в свою комнатку, подключится к ощущениям сновидения, и окунется в желанные образы. Понимание привыкания к ним поначалу даже пугало, но он утешился тем, что убедил сам себя в том, что в любой момент может выйти из созданной виртуальности, прекратить затянувшуюся игру и переключить сознание на что-то другое. И в этой убежденности оказалась скрытой его вторая ошибка, еще сильнее первой! Вадим с ужасом понял, что никогда не решится

прервать игру: он настолько вжился в образы Леночки и Юльки, что стирание их из его памяти было равнозначно убийству. И не только их, но и самого себя... Он не имел права уничтожить то, что имело шансы на жизнь не меньше его самого. Кто ответит, где начинаются и кончаются границы иллюзорности восприятия мироздания?

Ответа на этот вопрос не было, и Вадим смирился: принял все случившееся с ним как должное. К тому же стал понимать, что он не одинок в своих виртуальных проблемах: так жили почти все, кто населял заоблачные высоты техногенного городка. Людей устраивала двойная, частично вымышленная жизнь, которую каждый создавал сам для себя.

Вадима вполне устраивала его игра. Для более полноценного восприятия событий он иногда разнообразил их вводом новых персонажей. Так, у Лены появилась работа и подруги, у дочки школа и куча друзей. Ему хотелось, что бы они имели то, чего не было у него самого: общение, интересы, увлечения. Вадиму нравилось слушать их рассказы о пустяках, которые играют значимую роль в жизни любого человека. Предоставляя относительную самостоятельность и небольшие элементы непредсказуемости действий виртуальным образам, он все же сохранял контроль над основными участниками его проекта. Но, как оказалось — не совсем.

Сегодня его смутило известие о замужестве подруги Лены. Это не входило в перечень правил игрового процесса. Но это случилось, он верил словам жены. И еще — духи: это точно, не вписывалось в программу. Их там не должно было быть, хотя бы потому, что он никогда бы не выбрал этот запах. Он ему не нравился.

В последнее время все шло не так как хотелось. На работе постоянно ускользал неуловимый процесс синтеза белка, теперь, что то разлаживалось в его личном мире. Он это чувствовал, и хотел понять — что происходит.

Привыкший к анализу мозг Вадима быстро просчитывал варианты непоняток, и уже во второй раз выдавал как ответ нечто невообразимое и невозможное. Вадим запаниковал: выходило, что запущенный им проект вышел из под контроля, и его участники начали действовать самостоятельно. К чему это приведет? Неужели, из опасения непредсказуемых результатов, придется прекратить эту иллюзию, устранив вместе с нею все: дом, сосны, озеро с покачивающейся на волнах лодкой, на которой так любили кататься Лена и Юлька...

«Как это, любили! Их что, не будет?» Вадим вспотел от этой мысли, под ребрами бешено ухало сердце. Вспомнил, как Лена мирно посапывала во сне, и не чуяла нависшей над нею опасности.

К нему подошел кто то из сотрудников, но Вадим с досадой отмахнулся от него.

— Отстань! — неожиданно рявкнул он: — Вы хоть что то, можете сделать сами?

Скрывая досаду за внезапный гнев, он снова уперся взглядом в бурые увалы гор и высоченные башни. Длинные, узкие, они виднелись на половину, верхушки скрывались в мутном мареве тумана и облаков. «Какие же они уродливые», злобно подумал Вадим, и отвернулся. Пытался заняться работой, но покой не приходил.

Мелькнула мысль, смотаться «туда» и посмотреть, что там творится. Но тут же отменил эту затею: это ничего не прояснит. Как только он войдет в свой мир, он сразу оживет. И он, не сумеет отличить эту жизнь от реальности. Оставалось одно, стереть из своего сознания все, что было во второй жизни, и игра прекратится сама собой. Но как это сделать? Ведь они живы, Лена, другие участники его игры, и он сам тому доказательство, потому что он знает их, и...любит...

Он должен отказать им в праве на жизнь, только потому, что знает, как сам создал их и тот прекрасный мир? Только поэтому? Почему он так решил? А что если он сам, эти нелепые башни, горы, окружающие его люди, тоже, существуют в чьем-то воображении, и выполняют заданную им роль? Сумел же он создать свою иллюзию, населив ее тем чем ему хотелось, так почему это не может сделать кто-то другой, к тому же готовый прикрыть его в любую секунду, нисколько не переживая за участников проекта, который мы принимаем за настоящую жизнь?

— Мама дорогая! — застонал Вадим: — Вот это я вляпался! Доигрался! Влюбился в небылицу! Или сошел с ума! — подумал еще, и уверенно подвел печальный итог размышлений: — Точно... Я свихнулся...

...Вечером он долго сидел на берегу озера. К нему неслышно подошла, уложившая в постель дочь, жена. Встала за его спиной и всмотрелась в отливающую серебром месяца водную гладь.

— Лен! — тихо окликнул ее Вадим. Лена обернулась.

— погоди! Не говори ничего! — она прикрыла ему губы теплой ладонью: — Ты начал догадываться?

Вадим кивнул, и крепче прижался к ее руке.

— Я ждала этого. Знаешь, я давно все поняла. Тебя, себя...и что мы с Юлькой зависим от тебя! Но не знала, как поступить. Теперь — знаю! Ты видел

поезда? — Вадим кивнул: — В твоём мире их нет, но в созданном тобою они есть. Понимаешь, когда человек садится в поезд, он перед этим покупает билет до нужной ему остановки. И едет, что бы там сойти, думая, что она для него конечная. И случается — не понимает, что за ней есть ещё много остановок, на которых он не был! Поезд идет без него — долго, долго! И даже, если ты взял билет до конечной станции, то всегда можно пересестись на другой поезд, и ехать туда, куда тебя зовет сердце... Нам нужно определиться, где наша с тобой остановка. Хотя бы ради Юльки... Но, я не хочу, сходить с нашего поезда без тебя. У нас у всех троих, билет в один конец! Слышишь? Иначе, мы с дочерью ушли бы давно...сами... А тогда, этот дом опустеет, и тебе некуда будет возвращаться. И я ждала, когда ты вернешься... Насовсем... Ты ведь вернулся к нам?

Вадим кивнул. Зажмурив глаза, крепко прижал к себе ту, которая стала для него единственным смыслом жизни. Настоящей жизни, той — которой жив человек. От которой он так глупо бежал, и так нелепо, но счастливо — приобрел.

— Но ведь это технически невозможно! — Вадим словно протрезвел. Его охватило отчаяние: — Мы живем в разных мирах...

— Все миры пересекаются в одной точке: просто ее нужно найти! — Лена подняла его лицо и всмотрелась в налитые тоской глаза мужа: — Я знаю, ты сможешь сделать это! Теперь, у тебя есть главное — цель жизни... Наше счастье! А пока, пусть будет как прежде. Мы с Юлькой будем ждать тебя... Каждый вечер!

— Хорошо! — кивнул Вадим: — Я справлюсь...

В этот момент он подумал о том, что он не один попался в сети своего высокомерия, не приняв в расчет возможность самостоятельного развития персонажей созданной им игры. Нужно что то решать, и наверняка, рядом с ним живут и работают те, кто оказался в аналогичной ситуации. Необходимо их найти и убедить в существовании реальной проблемы, привлечь к поиску решения, и тогда, шансы на успех того, о чем говорит Лена, увеличатся многократно.

— Лен! Скажи честно: давно все это у тебя началось?

Лена поняла его. Кивнула.

— Давно! Когда родилась Юлька, я стала ощущать себя по другому. И постепенно начала выходить за пределы твоих правил. Оказалось, что мы с Юлей существуем среди огромного мира, который создало ваше воображение. Многие из вас думают, что только они, управляют тем пространством, что сформировали для себя. Это не так. Не знаю почему,

но ваши отдельные иллюзии сумели пересечься и объединиться в единый мир. И я думаю, что это не предел: возможно, мы живем среди множества миров, но в разном времени и пространстве. Только исходная точка для всего должна быть одна: и ты ее найдешь! Больше нам не на что надеяться...

Вадим задумался. Но не над тем, о чем говорила Лена, с этим ему было почти все ясно. Что то другое, прежде незнакомое, остро кольнуло его самолюбие. Он посмотрел ей в глаза.

— Лен! А эти духи? Их вправду, подарила подруга?

Лена негромко засмеялась, поворошила короткую стрижку мужа.

— Глупенький! Я их купила сама! Надо же было, как то подтолкнуть тебя ко всему этому! Какие вы мужчины, бываете — не догадливые...